

УДК 2:322(470)

DOI: 10.28995/2658-4158-2026-1-49-64

Веротерпимость и власть в России в 1813–1824 гг.

Евгений Ю. Назаренко

*Воронежский областной краеведческий музей,
Воронеж, Россия, enazarenko.vrn@mail.ru*

Аннотация. Практики веротерпимости стали складываться в Европе в XVI–XVII вв. под влиянием Реформации. В Россию эти европейские тенденции проникли в годы правления Петра I. На протяжении двух веков в России существовала модель государственно-церковных отношений, в которой сочеталось господствующее положение православия с терпимым отношением к другим религиозным традициям. Однако во второй половине царствования Александра I произошел отход от этой системы – во главу угла вместо православия была поставлена мистическая общехристианская религиозность. Эта модель исчерпала себя к 1824 г., когда был совершен возврат к прежней системе.

Ключевые слова: веротерпимость, протестантизм, лютеранство, католичество, иезуиты, православие, «православная оппозиция»

Для цитирования: Назаренко Е.Ю. Веротерпимость и власть в России в 1813–1824 гг. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2026. № 1. С. 49–64. DOI: 10.28995/2658-4158-2026-1-49-64

Religious tolerance and power in Russia in 1813–1824

Evgenii Yu. Nazarenko

*Voronezh Regional Museum,
Voronezh, Russia, enazarenko.vrn@mail.ru*

Abstract. Practices of religious tolerance began to take shape in Europe in the 16th – 17th centuries under the influence of the Reformation. These European trends penetrated into Russia during the reign of Peter the Great. For two centuries Russia had a model of state-church relations which combined the predominance of Orthodoxy with tolerance of other religious traditions.

© Назаренко Е.Ю., 2026

However, in the second half of the reign of Alexander I, there was a departure from this system: instead of Orthodoxy, a mystical pan-Christian religiosity was put at the center. This model had exhausted itself by 1824, when a return to the previous system was made.

Keywords: religious tolerance, Protestantism, Lutheranism, Catholicism, Jesuits, Orthodoxy, “Orthodox opposition”

For citation: Nazarenko, E.Yu. (2026), “Religious tolerance and power in Russia in 1813–1824”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 49–64, DOI: 10.28995/2658-4158-2026-1-49-64

Среди исследователей не прекращаются споры о характере конфессиональной политики России во второй половине царствования Александра I. Согласно одной из точек зрения, конфессиональная политика императорской власти, начиная с Петра I, отличалась последовательностью и заключалась в подчинении церковных общин государственному аппарату. В соответствии с этим взглядом период 1813–1824 гг. в государственно-церковных отношениях был ординарным этапом. Так считал дореволюционный исследователь Ф.В. Благовидов¹, отчасти – современный историк Ю.Е. Кондаков [Кондаков 2003].

Существует и другая точка зрения, согласно которой религиозная политика Александра I с 1813 по 1824 г. обладала несомненными чертами уникальности, которая определялась влиянием на императора идей европейских мистиков. Подобный взгляд разделяли богослов Г.В. Флоровский [Флоровский 2009] и ряд современных историков – А.Л. Зорин [Зорин 2001], А.Ю. Минаков [Минаков 2011] и Е.А. Вишленкова [Вишленкова 2002].

Сторонники этого подхода описывали политическую линию, которую проводили в жизнь Александр I и его ближайший сподвижник князь А.Н. Голицын, через ряд концептов, среди которых обращает на себя внимание понятие «веротерпимость». Вопреки расхожему мнению, термин «веротерпимость» вовсе не обозначает религиозный индифферентизм. Как писал прот. В.А. Цыпин, «понятие веротерпимость... характеризует правовой статус религиозных общин в конфессиональном государстве, т. е. поддерживающем определенную религию»². Этот термин применялся исследователями для описания эпохи не только Александра I, но также

---

¹ См.: Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Св.Синода в XVIII и первой половине XIX столетия (Развитие обер-прокурорской власти в синодальном ведомстве): Опыт исторического исследования. Казань, 1899.

² Цыпин В.А. Веротерпимость // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 728.

Петра I и Екатерины II. Носили ли различия между веротерпимостью Александра I и монархов XVIII в. фундаментальный характер? И правомерно ли вообще применение этого термина по отношению к периоду 1813–1824 гг.? Попытке ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Поскольку императорская Россия находилась в орбите западных влияний, мы считаем уместным привлечение к нашему исследованию материалов, связанных с историей государственно-церковных отношений в Европе XVI–XVIII вв. Проблема веротерпимости актуализировалась там после начала Реформации в 1517 г.

М. Лютер переосмыслил идею о Церкви Христовой, выдвигая тезис о видимой и невидимой церквях. Он считал, что человек является христианином и членом церкви «не по телу, которое совершает те или другие дела считается членом христианства, а по душе, т. е. по вере»³. Подлинная церковь невидима и представляет собой «духовное собрание душ в одной вере», которое не обязательно связывается «внешними церемониями»⁴. Сформулированный Лютером и близкими к нему мыслителями приоритет внутреннего начала над внешним означает, что нет никакой надобности в посреднической функции социальной группы, которая, по словам Лютера, «ошибочно и вредно называется “духовенством”»⁵.

Протестантское учение способствовало перевороту в государственно-церковных отношениях. Историк В.А. Керенский отмечал, что, объявив церковь «невидимой величиной», отцы Реформации отдали светским властям право «простирать свое влияние на церковные дела в силу лишь естественного права»⁶. Начиная с XVI в., степень допустимости тех или иных церковных учений все чаще определяли не католические иерархи, а суверенные монархи, отношение которых к религиозному разномыслию, как правило, было более гибким, чем у служителей Святого Престола. Развитию веротерпимости способствовал также принцип «*sola scriptura*» («только Писанием»), давший возможность всем членам протестантских общин самостоятельно изучать и интерпретировать библейские тексты.

Антиклерикальный и субъективистский подход протестантской теологии повлияли на мыслителей эпохи Просвещения. Так,

---

³ *Лютер М.* О свободе христианина. URL: <https://www.bible-center.ru/article/freedom> (дата обращения: 08.04.2023).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Керенский В.А.* Почему не должно и не может быть отделения Церкви от государства в России // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1918. № 3–4. С. 143.

Джон Локк в «Послании о веротерпимости» обрушил огонь своей критики на католическую церковь. Критическое отношение Локка к католическому клиру было связано, в первую очередь, с претензиями Святого Престола на светскую власть и с его нетерпимостью к иноверцам, что вело к ущемлению прав последних. Локк последовательно отстаивал тезис о приоритете внутренней веры над внешней репрезентацией религиозности. Он считал, что «забота о собственном спасении есть только дело каждого в отдельности». Церковь может, разумеется, исторгнуть кого-либо из своих рядов, однако это «не лишает и не может лишить отлученного ни одного из гражданских благ»⁷.

Во многом под влиянием идей Локка в 1689 г. английский парламент принял Акт о веротерпимости, согласно которому общины протестантских неконформистов получали ряд прав, но при этом Церковь Англии сохраняла господствующее положение. Таким образом, субъективистские и антиклерикальные установки протестантских теологов, а впоследствии философов-просветителей, реализовывались в практической деятельности европейских правителей.

Сходные тенденции с некоторым запозданием проявились в деятельности российских монархов. Первым российским самодержцем, опиравшимся на европейскую модель государственно-церковных отношений, был Петр I. Поскольку бурная деятельность царя-реформатора натолкнулась на глухое недовольство традиционалистских кругов, для него было важно сломить их сопротивление, в связи с чем ему пригодился опыт европейской Реформации.

Симпатии к идеям Реформации отчетливо проявлялись и в деятельности ближайшего из петровских советников по религиозным вопросам, Феофана Прокоповича. Г.В. Флоровский писал о том, что «Феофан не то что примыкает, он принадлежит к протестантской схоластике XVII в.» [Флоровский 2009, с. 125]. Следы этого исследователь видит в том, что Прокопович считал Священное Писание единственным подлинным источником вероучения, «самодостаточным и самодостоверным». Он полагал, что «вовсе нет никакой особой духовной власти», а претензии духовенства на последнюю считал «папешским духом»⁸.

К 1721 г. Феофан Прокопович по поручению царя составил «Духовный регламент», согласно которому патриаршество упразднялось, главой церкви объявлялся монарх и создавался орган

---

⁷ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 96.

⁸ Цит. по: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 119.

управления церковью – Духовная коллегия (Святейший Синод). Православная церковь оказалась в подчинении государственного аппарата, и в таком положении пребывала до 1917 г. Г.В. Флоровский видел близость составленного Феофаном документа «к тем “регламентам” или “церковным уставам”, каких много было составлено после Реформации в разных княжествах для вновь заведенных “местных консисторий”» [Флоровский 2009, с. 125].

Начиная с петровских времен, именно государство определяло место той или иной конфессии в иерархии. Была выстроена цепочка, каждое следующее звено которой было более дискриминируемым по сравнению с предыдущими: православная церковь – прочие христианские общины (католическая, лютеранская, реформатская и армяно-григорианская церкви) – нехристианские вероисповедания (ислам, иудаизм, ламаистский буддизм). Несмотря на ряд ограничений, такая система отношений между государством и религиозными организациями давала возможность инославным свободно исповедовать свою веру, издавать богослужебную и вероучительную литературу, заключать межконфессиональные браки и проч. [Сафонов 2011]

Наследники Петра углубляли заложенную им тенденцию. Во времена правления Екатерины II даже запрет на прозелитическую деятельность для представителей неправославных исповеданий далеко не всегда соблюдался. Так, в 1773 г. императрица позволила иезуитам осуществлять свою деятельность на территории России⁹.

Вышеописанные тенденции продолжились в первое десятилетие правления Александра I, когда влияние иезуитов усилилось. Однако после войны 1812 г. в религиозной политике Александра I начали проявляться другие тенденции. В это время император увлекся европейскими мистическими идеями. Среди направлений религиозной мысли, оказавших влияние на царя и его друга А.Н. Голицына, наиболее значительными были квиетизм и пиетизм.

Квиетизм зародился в конце XVII в. в Испании и Франции. Его создателями были М. де Молинос, Ф. Фенелон и Ж. Гюйон. Несмотря на то, что это было движение внутри католической церкви, оно было инспирировано Реформацией. Его представители настаивали на том, что «высшее христианское совершенство состоит в сладостном божественном спокойствии», которое достигается «путем внутренней молитвы и непосредственного созерцания Бога» [Тальберг 2008, с. 125].

---

⁹ *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1. СПб., 1867. С. 34–86.

Близким к квиетизму направлением религиозной мысли был пиетизм. Это движение возникло в германских землях в XVII в. и являлось мистической оппозицией традиционному лютеранству. Пиетизм не был оформленным движением, поэтому имеет смысл говорить скорее о пиетических тенденциях, которые проявились в творчестве разных авторов – Ф. Шпенера, Я Беме, И. Арндта и др.

Европейские мистические идеи проникли в Россию вместе с масонством и розенкрейцерством во второй половине XVIII в. В 1780-х гг. в Москве существовала группа розенкрейцеров во главе с Н.И. Новиковым, члены которой деятельно изучали западный мистический опыт¹⁰. В начале XIX в. продолжателем этих традиций был А.Ф. Лабзин – переводчик мистической литературы, журналист и издатель [Васильева 2009].

Политические взгляды Лабзина и его единомышленников сложились под влиянием трудов современных им германских авторов К. Эккартсгаузена и И.-Г. Юнга-Штиллинга. Стремясь выработать свою политическую доктрину, они отталкивали от себя просветительские идеи, породившие Французскую революцию. В этом смысле характерна работа К. Эккартсгаузена «Облако над святилищем», в которой говорилось о том, что понятия просветительской философии «заимствованы от чувственности, которая не доставляет истины»¹¹, а «предметы, к узрению которых разум человеческий никакой способности не имеет, необходимо должны состоять в области Веры»¹². Эмпирическому и рациональному типам познания Эккартсгаузен противопоставлял особый, сверхчувственный тип, осуществляющийся при помощи «внутреннего ока», которое любой человек имеет возможность актуализировать, а вслед за тем – войти в число членов «внутренней церкви», «которая по всему миру рассеяна, но управляется единою истиною и сопряжено единым духом»¹³.

Изложенная Эккартсгаузенем теория «внутренней церкви» своими корнями восходила к трудам Лютера. Однако никто из основоположников лютеранства не трактовал эту идею в столь явном экуменическом ключе, как баварский мистик, который утверждал, что «одна только есть религия, коей единственная истина разделилась во все религии, как в ветви, дабы из множественности привести паки в одну религию»¹⁴.

¹⁰ См.: Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские маргинисты. М., 1867.

¹¹ Эккартсгаузен К. Облако над святилищем, или Нечто такое, о чем гордая философия и грезить не смеет. СПб., 1804. С. 4.

¹² Там же. С. 72.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 58–59.

Немецкий мыслитель считал, что вероисповедные различия вредны и должны быть преодолены. В этом вопросе взгляды Эккартсгаузена обретают эсхатологическую перспективу: «Пребывая верными Духу истины, обещававшему никогда не оставлять своих, ... члены внутренней Церкви жили в тихом уединении и непрестанной деятельности ... смиренно ожидая того великого часа, когда Господь созовет их и соберет свою Церковь, дабы каждой мертвой буквой дать внешнюю силу и жизнь»¹⁵. Другой германский мистик, И.-Г. Юнг-Штиллинг, на основе собственных толкований Апокалипсиса заключил, что второе пришествие Христа должно совершиться между 1816 и 1836 гг., после чего на Земле наступит тысячелетнее Царство Божие, придет социальная гармония и мир¹⁶.

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. была создана идеология, которую можно назвать мистико-космополитической. Ее основными элементами были антиинтеллектуализм, экуменизм и эсхатологизм. Антиинтеллектуализм был связан со скептическим отношением к возможностям человеческого разума. Экуменизм проявлялся в представлениях об искусственной природе границ между христианскими конфессиями. Эсхатологизм определял «горизонт будущего» мистико-космополитической доктрины.

Обер-прокурор Св. Синода А.Н. Голицын был носителем мистической идеологии, разделявшим его базовые концепты. Под влиянием Ф. Фенелона он считал, что невозможно рационально познать то, «что выше разума», поскольку там, «где положена преграда Всевышним, ... уже надобно верить»¹⁷. Подобно К Эккартсгаузену, он не видел серьезных различий между разными направлениями христианства, полагая, что «враг куда радуется, когда видит сии разделения»¹⁸. Вслед за И.Г. Юнгом-Штиллингом князь полагал, что скоро наступит время, когда «оболочка, прикрывающая добро и зло, исчезнет и... тогда добро со злом соприкоснутся... Тогда надо ждать Разделителя, т. е. Христа, для торжества добра»¹⁹.

Голицын, как и И.-Г. Юнг-Штиллинг, отождествлял Антихриста с фигурой Наполеона Бонапарта. Представления об эсхатологическом характере исторического процесса актуализировались во время Отечественной войны 1812 г. В это время А.Н. Голицыну

¹⁵ Там же. С. 40–41.

¹⁶ См.: *Юнг-Штиллинг И.-Г. Победная повесть, или Торжество веры христианской*. СПб., 1815.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 203. Д. 13. Л. 3.

¹⁸ *Голицын А.Н. Письма к различным лицам // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 369.*

¹⁹ Там же. С. 398.

удалось повлиять на взгляды Александра I, который под воздействием драматических событий всерьез увлекся европейским мистицизмом. Победа над французским воинством окончательно убедила императора в его предназначении.

Под влиянием мистических идей Александр I инициировал в сентябре 1815 г. создание Договора о Священном Союзе, который, помимо него, подписали монархи Австрии и Пруссии. Российский император полагал, что на руинах наполеоновской империи создается новый миропорядок, основанный на христианском согласии и братстве европейских монархов. Указание на значение этого акта содержалось в письме князя Голицына к Александру Павловичу, где утверждалось, что «сей акт нельзя не признать иначе как предуготовленным к тому обещанному царствию Господа на земле, которое будет яко на небеси»²⁰. Учитывая это, следует присоединиться к мнению исследователя А.Л. Зорина, который утверждал, что для Александра I и близкого к нему круга лиц «важна была именно перспектива всеобщего и тотального обновления» [Зорин 2001, с. 312]. Веротерпимость воспринималась как одно из средств этого обновления.

Можно заметить, что представления о веротерпимости Александра I и Петра I, А.Н. Голицына и Феофана Прокоповича, существенно различались. Религиозные реформаторы начала XVIII в. руководствовались рационалистическими соображениями, основным критериев вносимых ими изменений была практическая польза. Это противоречило мечтательному христианскому утопизму Александра I, для которого религия была способом преобразования мира.

В то же время мистический проект Александра I имел и идейное сходство со стратегиями его предшественников. И мистико-космополитическая идеология, и петровская религиозная политика восходили к общему корню – принципам европейской Реформации, предполагавшим приоритет внутренней веры над внешними проявлениями благочестия.

Первым учреждением, к созданию которого А.Н. Голицын приступил в рамках воплощения в жизнь мистической программы, было Российское Библейское общество. Учредительное заседание этого учреждения прошло 11 января 1813 г., на нем Голицын был избран его президентом²¹. Российское Библейское общество было общественной организацией, филиалом основанного в 1804 г. английскими протестантами-нонконформистами British and Foreign

---

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ См.: *Голицын А.Н.* Проект об учреждении Санкт-Петербургского Библейского общества. СПб., 1812.

Bible Society. Свою цель создатели Общества видели в распространении Библии в разных частях света, на национальных языках и без комментариев. Идеология этой организации восходила к протестантскому принципу *solā scriptura*, поскольку предполагалось, что для христианизации больших масс людей нет нужды ни в церковной иерархии, ни в пояснениях библейского текста авторитетными богословами, а нужны только сердца, восприимчивые к идеям и образам, заложенным в Вечной Книге. О протестантском характере Библейского общества и о желательности распространения реформаторских принципов в России открыто писал один из лидеров Библейского общества в Великобритании, Ричард Уотсон: «Обнародование или распространение книг свящ. писания... произвело наше достославное преобразование (реформацию) и даровало нам протестантство, а с ними и блаженство и благословение, от оногo проистекающее. Ныне можем мы надеяться, что скоро греческая церковь насладится теми же выгодами»²².

При этом, несмотря на очевидные протестантские корни библейского движения, Голицын мыслил его как общехристианское дело. На заседаниях Общества православные, католики и протестанты совещались за одним столом и обсуждали вопросы, связанные с распространением Библии в России.

Библейское общество являлось общественной организацией, и в силу этого не могло быть в полной мере проводником официальной линии. Необходимо было внедрение мистико-космополитической идеологии в государственный аппарат. С этой целью в 1817 г. было создано министерство духовных дел и народного просвещения, состоявшее из двух департаментов – соответственно, духовных дел и народного просвещения. Департамент духовных дел состоял из четырех отделений: православного, католического, протестантского и нехристианских исповеданий. Св. Синод находился в таком же подчиненном положении по отношению к министерству, как и органы управления других конфессий, а значит, православие фактически лишалось статуса господствующего вероисповедания, хотя это и не декларировалось официально²³. Александр I таким образом деконструировал иерархию конфессий, созданную Петром I и его преемниками.

То, что православная церковь воспринималась А.Н. Голицыным и его соратниками как равная другим христианским конфессиям, можно видеть по проведенной им либерализации законодательства, касающегося межконфессиональных браков. Если ранее, начиная с петровских времен, детей, родившихся в браке право-

²² Цит. по: Чистович И.А. Указ. соч. С. 54.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 20 об.

славного христианина и иноверца, обязательно крестили в православие, то теперь ситуация изменилась. Согласно законодательному акту от 8 января 1819 г.²⁴, переход в православную веру детей, при рождении крещенных в лютеранстве, был затруднен: теперь туда принимали «только совершеннолетних (15 лет для мальчиков и 12 для девочек), и притом после предварительного испытания искренности их желания принять православие»²⁵. В основе этого положения лежало представление о том, что переход в другую веру должен быть не автоматическим, но осознанным.

Е.А. Вишленкова писала о том, что, «ставя цель объединить человечество в лоне “истинного” христианства, мистики настаивали на том, что каждая церковь должна отрешиться от всего, что ведет к религиозной розни – конфессионального богословия, обрядовых споров, миссионерства, прозелитизма» [Вишленкова 2002, с. 139]. Поэтому миссионерская деятельность после 1813 г. стала возможна только в духе, согласном с идеологией Библейского общества. Христианские конфессии оказались втиснуты в прокрустово ложе государственного мистицизма, который нередко противоречил основам их вероучений.

После 1813 г. было кардинально пересмотрено официальное отношение к иезуитам. В рамках мистико-космополитической идеологии социальная активность Ордена Иисуса воспринималась как угроза. Для этого было несколько причин. Наиболее очевидная из них была связана с тем, что иезуиты подчинялись внешнему источнику силы – Папе Римскому Пию VII, который находился в оппозиции по отношению к геополитическому проекту Александра I. Другой причиной враждебного отношения высокопоставленных мистиков к Ордену Иисуса было противостояние двух миссионерских проектов – иезуитского и того, который осуществляло Библейское Общество. Пропаганда иезуитов имела строго конфессиональный характер, направленный на обращение иноверцев в католичество. В соответствии с постановлением Тридентского собора, каноническим признавался только латинский перевод Библии (Вульгата), а читать его мирянам можно было только с письменного дозволения духовника. Все это резко противоречило принципам работы Библейского общества, которые воспринимались иезуитами как отпадение в протестантизм²⁶.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 36. СПб., 1830. С. 16.

²⁵ *Васильев А.* Веротерпимость в законодательстве и жизни в царствование императора Александра I // Наблюдатель. 1896. № 7–8. С. 287.

²⁶ *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 174.

Между тем, по словам А.Н. Шебунина, «количество обращений [в католичество. – *Е. Н.*] в 1814–1815 гг. принимало угрожающий характер» [Степанов 1937, с. 608]. В связи с этим высокопоставленные мистики считали необходимым оградить петербургское и московское общество от иезуитской пропаганды. В ноябре 1815 г. монахи Ордена Иисуса были изгнаны из российских столиц. Они продолжали свою деятельность на территории Западного Края, где пользовались большим авторитетом: достаточно сказать, что местные шляхтичи стремились дать своим детям образование именно в иезуитских коллегиях. Это служило серьезным препятствием для работы Библейского общества, поэтому в 1820 г. иезуиты снова были изгнаны, теперь уже за пределы Российской империи.

Отношения между мистиками и представителями православной общественности также были непростыми. Впрочем, последняя не отличалась однородностью. Здесь можно выделить два основных направления – реформистское и консервативное. Представители реформистского направления православной мысли являлись убежденными сторонниками перевода Священного Писания на современный русский язык, который, по их представлениям, являлся необходимым условием успешной христианской миссии в России [Майофис 2008, с. 459]. Наиболее ярким представителем этой группы был ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов). В своем сочинении «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной греко-российской Церкви» Филарет писал: «Никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос не дерзну я назвать ложной»²⁷.

Немало было и тех, кто с православных позиций резко критиковал александровский мистицизм. Существовала неформальная группа представителей православного духовенства и мирян, которую Ю.Е. Кондаков назвал «православной оппозицией» [Кондаков 1998]. Наибольшее неприятие у представителей этой группы вызывали многочисленные издания трудов мистических авторов (К. Эккартсгаузен, И.-Г. Юнг-Штилинг, Ж. Гюйон и др.), которые распространялись по России через налаженную сеть Библейского общества²⁸.

В 1817 г. случилось знаменитое «дело Станевича». Е.И. Станевич, литератор-архаист из круга А.С. Шишкова, написал книгу «Беседа на гробе младенца» в котором с православных позиций

---

²⁷ *Филарет (Дроздов)*. Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной греко-российской церкви. URL: http://www.pagez.ru/philaret/nasl_015.php (дата обращения: 13.04.2023).

²⁸ *Стеллецкий Н.С.* Князь А.Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1900. С. 121.

подверг критике правительственный мистицизм [Минаков 2011, с. 282]. Сочинение было направлено в Санкт-Петербургскую духовную цензуру, которая стараниями цензора архимандрита Иннокентия (Смирнова) пропустила ее в печать.

Российская власть в лице А.Н. Голицына отреагировала на издание «Беседы на гробе младенца» очень жестко. По настоянию князя архимандрит Иннокентий был формально повышен, а фактически отправлен в ссылку – он был назначен епископом в Пензу, где скончался через несколько месяцев после своего прибытия. Любопытно, какие доводы А.Н. Голицын приводил, говоря о необходимости цензурного запрета сочинения Е.А. Станевича. Он посчитал неприемлемым то, что автор «судит, кто более прав, Святой Иоанн Златоуст или святой Августин, и отдает преимущество Златоусту потому только, что он Восточной церкви, хоть в проповедях и в сочинениях духовные особы часто указуют на Августина»²⁹. Голицын прямо говорил о том, что считает православную апологетику вредной сферой деятельности, и запрещал активистам защищать собственное вероучение.

Таким образом, религиозные организации, несмотря на декларируемую веротерпимость, находились в жестких рамках. Примеры репрессивных действий государства, связанных с вопросами религиозного свойства, в период с 1813 по 1824 г. были далеко не единичны, и касались как католических, так и православных традиционалистов.

Следует также обратить внимание на степень терпимости государства по отношению к носителям рационалистической картины мира. В XVIII в. российские правители, находившиеся под влиянием философии Просвещения, весьма терпимо относились к религиозному вольнодумству, к деистическим и атеистическим взглядам. Просвещенческая парадигма лежала и в основе университетского устава 1804 г.

В эпоху мистицизма отношение к научному знанию переменялось. Поворот был обусловлен характерными чертами мировоззрения мистиков, считавших, что религиозная вера всеконечно выше мудрствований ученых, опирающихся на непрочный фундамент эмпиризма. В связи с этим обращает на себя внимание инструкция, написанная в 1819 г. членом Главного правления училищ А.С. Стурдзой, в которой содержались предложения полностью перестроить систему университетского образования, запретив преподавать «ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога» [Минаков 2016, с. 186]. При этом Стурдза апеллировал не к туманному мистицизму, а к православной традиции. Его

---

²⁹ Цит. по: *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 198.

последователь, попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, в 1820 г. составил инструкцию, в которой писал о том, что основной задачей университетского образования должно быть воспитание «верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству» [Минаков 2011, с. 285]. Деятельное сотрудничество А.Н. Голицына с А.С. Стурдзой и М.Л. Магницким в сфере народного просвещения показывает, что здесь взгляды мистиков и православных консерваторов были идентичны.

Университетская политика Голицына оттолкнула от него либеральных ученых и литераторов, но при этом не привлекла симпатии религиозных консерваторов, у которых были свои основания для нелояльного отношения к его деятельности. К началу 1820-х гг. у князя почти не осталось союзников. Оказавшись непопулярной внутри России, мистико-космополитическая идеология утратила актуальность и в связи с переменной внешнеполитической конъюнктуры. Как утверждал А.Л. Зорин, в конце 1810-х гг. Александр I еще верил в успех мистико-космополитического проекта, но уже в начале 1820-х гг. его постигло разочарование [Зорин 2001, с. 334]. Начался закат эры мистико-космополитической идеологии, завершившийся в мае 1824 г. отставкой А.Н. Голицына с постов министра духовных дел и народного просвещения и президента Российского Библейского Общества. «Сугубое» министерство было расформировано, вместо него были восстановлены структуры, существовавшие ранее. Деятельность Библейского Общества фактически была прекращена, русский перевод Библии – остановлен, а уже отпечатанные экземпляры – преданы огню³⁰.

Период господства мистико-космополитической идеологии в официальном дискурсе Российской империи был весьма кратким, но наполненным важными смыслами. Религиозная политика Александра I в 1813–1824 гг. в большей степени определялась не преемственностью по отношению к традиции, а разрывом с ней. В XVIII в. в религиозной политике империи господствовал прагматический подход, в соответствии с которым власть занимала позицию арбитра, устранившегося от конфессиональных споров и определявшего, в первую очередь, общие «правила игры». Принцип, заложенный А.Н. Голицыным, коренным образом отличался от имперского секуляризма, и заключался в насаждении мистического представления о христианстве. Поскольку эта интерпретация христианской веры была внеконфессиональной и протестантской по происхождению, в ней, несомненно, было место и для веротерпимости.

³⁰ *Стеллецкий Н.С.* Указ. соч. С. 310.

Репрессивная сторона александровского мистицизма была уникальна. В новых условиях представителям традиционных конфессий надлежало забыть о своих догматических разногласиях и отказаться от защиты собственного вероучения, что естественным образом вызвало реакцию протеста, которая, в свою очередь, привела к карательным акциям со стороны властей. Репрессиям в это же время подверглась и часть либеральной профессуры. Таким образом, врагами мистического официоза стали представители противоборствующих интеллектуальных традиций: христианские традиционалисты и носители идей европейского Просвещения. К началу 1820-х гг. мистики успели настроить против себя почти все общественно-политические силы России. Отставка А.Н. Голицына со всех важных постов произошла в мае 1824 г. благодаря действиям православных консерваторов, однако удовлетворение от случившегося испытал, к примеру, А.С. Пушкин, в ту пору – либеральный вольнодумец³¹.

Литература

- Васильева 2009 – *Васильева Ю.С.* А.Ф. Лабзин в общественной жизни столиц и провинции конца XVIII – первой четверти XIX в. Самара: Офорт, 2009. 141 с.
- Вишленкова 2002 – Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 441 с.
- Зорин 2001 – Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с. (Historia Rossica)
- Кондаков 2003 – *Кондаков Ю.Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX в. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. 360 с.
- Кондаков 1998 – Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 223 с.
- Майофис 2008 – *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с. (Historia Rossica)
- Минаков 2016 – *Минаков А.Ю.* А.С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 176–194.
- Минаков 2011 – *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 2011. 560 с.
- Сафонов 2011 – *Сафонов А.А.* Государство и Церковь в имперской России: правовые аспекты отношений // Государство, церковь, право: конститу-

³¹ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 10. Л., 1979. С. 77.

- ционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М., 2011. С. 28–40.
- Степанов 1937 – *Степанов М., Вермаль Ф. [Шебушин А.Н.] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство: Русская культура и Франция. Т. 29/30. М.: Госиздат, 1937. С. 577–726.*
- Тальберг 2008 – *Тальберг Н.Д. История христианской Церкви. М.: Изд-во Средненского монастыря, 2008.*
- Флоровский 2009 – *Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.*

References

- Vasilieva, Yu.S. (2009), *A.F. Labzin v obshchestvennoi zhizni stolits i provintsii kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX v.* [A.F. Labzin in the public life of the capitals and provinces in the late 18th – first quarter of the 19th centuries], Ofort, Samara, Russia.
- Vishlenkova, E.A. (2002), *Zabotyas' o dushakh poddannyykh: religioznaya politika v Rossii pervoi chetverti XIX v.* [Caring for the souls of subjects: Religious policy in Russia in the first quarter of the 19th century], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia.
- Zorin, A.L. (2001), *Kormya dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posled-nei treti XVIII – pervoi treti XIX v.* [Feeding the two-headed eagle... Literature and state ideology in Russia in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Historia Rossica*)
- Kondakov, Yu.E.(2003), *Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii: evolyutsiya otnoshenii v pervoi polovine XIX v.* [The state and the Orthodox church in Russia: Evolution of relations in the first half of the 19th century], Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, Saint Petersburg, Russia.
- Kondakov, Yu.E. (1998), *Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppositsiya (1801–1825)* [Alexander I's spiritual and religious policy and Russian Orthodox opposition (1801–1825)], Nestor, Saint Peterburg, Russia.
- Mayofis, M.L. (2008), *Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 gg.* [An appeal to Europe: The literary society “Arzamas” and the Russian modernization project of 1815–1818], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Historia Rossica*)
- Minakov, A.Yu. (2016), “A.S. Sturdza: An intellectual biography of an Orthodox thinker”, *Khristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 176–194.
- Minakov, A.Yu. (2011), *Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX v.* [Russian conservatism in the first quarter of the 19th century], Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Voronezh, Russia.
- Safonov, A.A. (2011), “The state and the Church in imperial Russia: Legal aspects of the relationship”, in *Gosudarstvo, tserkov', pravo: konstitutsionno-pravovye*

- i bogoslovskie problemy: IX Rumyantsevskie chteniya* [State, church, law: Constitutional, legal and theological issues: 9th Rumyantsev Conference], Moscow, Russia, pp. 28–40.
- Stepanov, M., Verma, F. and [Shebunin, A.N.] (1937), “Joseph de Maistre in Russia”, in *Literaturnoe nasledstvo: Russkaya kul'tura i Frantsiya* [Literary legacy: Russian culture and France], vol. 29/30, Gosizdat, Moscow, Russia, pp. 28–40.
- Talberg, N.D. (2008), *Istoriya khristianskoi Tserkvi* [History of the Christian Church], Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, Moscow, Russia.
- Florovskii, G.V. (2009), *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian theology], Institut russkoi tsivilizatsii, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгений Ю. Назаренко, кандидат исторических наук, Воронежский областной краеведческий музей, Воронеж, Россия; 394018, Россия, Воронеж, ул. Плехановская, д. 29; enazarenko.vrn@mail.ru

Information about the author

Evgenii Yu. Nazarenko, Cand. of sci. (History), Voronezh Regional Museum, Voronezh, Russia; 29, Plekhanovskaya St., Voronezh, Russia, 394018; enazarenko.vrn@mail.ru